
Л.П. Евстигнеева, Р.Н. Евстигнеев

**ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ:
СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА**

Москва
Институт экономики
2012

Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 45 с.

ISBN 978-5-9940-0366-4

В докладе отмечается парадокс постоянно растущего несоответствия результатов догоняющего развития (выравнивания уровней эффективности и доходов) стран поставленным целям. В качестве альтернативы подражанию зрелым экономикам предлагается рассматривать догоняющее развитие как проблему глобализации, а не национальных рынков. Развертывая систему доказательств, авторы анализируют современные теории догоняющего развития и ряд других сопредельных вопросов, завершая исследование догоняющего развития в контексте синергетической модели экономического роста. В этой модели все субъекты хозяйства – от государства до каждого индивида – выступают творческими партнерами и конкурентами в национальной и мировой экономике. Тем самым они получают равные шансы на успех.

Ключевые слова: догоняющее развитие, глобализация, теории роста, экономическая синергетика.

Классификация JEL: F63, N10, O10, P51.

ISBN 978-5-9940-0366-4

© Институт экономики РАН, 2012
© Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н., 2012
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	4
ГЛАВА 2. ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	18
ГЛАВА 3. ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ КАК ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА.....	25
ГЛАВА 4. СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ	29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	37
Литература	43

ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Десятилетиями с повестки дня не сходила проблема конвергенции как сближения двух мировых систем. Шли годы, но ни так называемый полный хозрасчет, ни самофинансирование не приблизили социализм к капитализму. Точно так же ни на йоту не стал ближе к реальному социализму капитализм с его индикативным планированием и успехами в социальной сфере. Наоборот, разрыв между капиталистической и социалистической системами нарастал, пока не завершился крахом социализма как общественно-экономической системы.

Другой пример – выравнивание уровней экономического развития республик (в СССР) и регионов в России. Сколько бы дополнительных инвестиций ни вкладывалось в субъекты федерации, какие бы трансферты, налоговые и прочие преференции ни вводились, сближения уровней не происходило, хотя общий подъем экономики был налицо¹.

В том же ряду стоит понятие догоняющего развития, под которым подразумевается выравнивание уровней экономического

1. «Такой степени разрыва, которую мы имеем сейчас, не было даже во времена СССР. Среднедушевые реальные доходы населения различаются более чем в 20 раз», – заявил 12 июля 2011 г. на открытии конференции «Региональное развитие – основа устойчивости и процветания страны» Николай Федоров, тогдашний руководитель Института социально-экономических и политических исследований, бывший президент Чувашии, а с 21 июня 2012 г. министр сельского хозяйства РФ. / <http://informpskov.ru/politics>

развития² путем повторения исторического пути, пройденного более зрелыми странами. В качестве образца такого подхода чаще всего называют Японию и азиатских «тигров». Действительно, эти страны добились впечатляющих успехов, какие сегодня начинает демонстрировать и Китай. Но — подчеркнем — вовсе *не из-за копирования опыта развитых стран, а благодаря умелому использованию своих конкурентных преимуществ.*

Не странно ли, что, упорно отстаивая конвергенцию двух систем, выравнивание уровней и догоняющее развитие, никто до сих пор не попытался проникнуть в тайну растущего несоответствия их результатов поставленным целям. Попробуем разобраться в этом вопросе.

На деле никакого выравнивания путем незатейливого подражания не происходит. Происходит обратное. Воспользуемся данными из недавнего исследования, выполненного в Китае. По ВВП на душу населения, рассчитанному в ценах 2000 г., абсолютный разрыв между странами с низким и высоким уровнем дохода (сравнивается 131 страна) возрос за 1960–2000 гг. с 8584 до 25767 долл., а относительный разрыв — с 42-кратного до 66-кратного размера. По ВВП на душу населения (с учетом ППС), рассчитанному в ценах 1990 г., абсолютный разрыв между странами с низким и высоким уровнем дохода возрос за тот же период с 6577 до 21163 долл., а относительный разрыв — с 6-кратного до 21-кратного размера (Хэ Чуаньци. 2011).

Можем ли мы утверждать, что такая тенденция сохранится еще некоторое время, пока преодоление отставания от развитых стран будет продолжать зависеть от «баланса» конкурентных преимуществ развивающихся и развитых стран (в тех или иных фрагментах реального или финансово-денежного секторов), от успехов и неудач экономической внутренней и внешней политики? Названные преимущества как особый конкурентный механизм почти поглотила сегодня монополизация рыночных ниш (поддер-

2. Ученые различают два понятия конвергенции (синонима выравнивания уровней и догоняющего развития): Σ -конвергенция, когда сокращается разрыв между уровнями доходов разных экономик, и β -конвергенция, когда бедные экономики растут быстрее богатых. Условная β -конвергенция — это когда при неизменности прочих переменных темп роста замедляется по мере приближения к устойчивому состоянию / [http://en.wikipedia.org/wiki/Convergence_\(economics\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Convergence_(economics))

живаемая ВТО и другими формами межгосударственных союзов). Более того, механизму конкурентных преимуществ уже мощно противостоит *механизм целостности (глобализации) мирового рынка*. Его содержание объединяет все процессы обобществления производства (товарные или стоимостные линии, кластеры, приоритетные позиции финансово-денежных рынков).

Глобальная экономика все больше проявляет себя как конвергентная экономика, стремящаяся найти эффективное место для национальных рынков в структурах мирового рынка. Собственно говоря, смысл догоняющего развития и состоит в том, чтобы соединить усилия догоняющих и развитых стран и попытаться встроить локальную экономику в процессы интеграции, расширяя масштабы последних. Понимаемая таким образом конвергенция – очень важный механизм догоняющего развития, подготавливающий бизнес к эффективному усвоению взаимного опыта конкурирующих сторон.

Но какое место в процессах самой глобализации занимает выравнивание уровней развития экономики? Почему мировой рынок как бы сопротивляется выравниванию? В этом-то и кроется тайна догоняющего развития. Конечно, процесс глобализации, рыночный по своей природе, очень противоречив. Однако следует объяснить, почему эти противоречия работают против выравнивания. Ведь, по нашему мнению, *догоняющее развитие уже не является проблемой национальных рынков, это проблема мирового рынка*. Итак, что было в начале начал?

Во-первых, после окончания Второй мировой войны имел место аномально высокий восстановительный рост. С течением времени имевшиеся ресурсы производственных мощностей и рабочей силы оказались исчерпанными, и мировая экономика стала расти медленнее. Это произошло в 70-х годах прошлого века (Гайдар, 2003, с. 28).

Во-вторых, догоняющий экономический рост многие вообще считают нормальным компонентом общего для мировой экономики процесса в том смысле, что в нем сочетаются и тенденции выравнивания, и неравномерность развития. Так, в XX в. огромные успехи неожиданно показала Япония, заняв высокое место в ряду мировых лидеров.

В-третьих, глубокие экономические кризисы (вроде кризиса 2007–2008 гг., который, по мнению экспертов, в текущем периоде, возможно, продолжится) могут резко изменить рейтинги стран, более того, повергнуть страны со стабильной экономикой в лавинообразное падение. Такую угрозу испытывает, например, Европейский союз.

В-четвертых, то, что произошло в России и других постсоциалистических странах в 90-е годы прошлого века, явилось переходом от централизованно планируемой к рыночной экономике, который сопровождался разрушением реального сектора экономики. Это потребовало не столько восстановительного, сколько преобразовательного роста, в котором стали набирать силу такие процессы, как формирование адекватной рынку финансово-денежной системы, перестройка социально-экономической структуры, прежде всего, российского социалистического общества на основе частной собственности, трансформация общественного массового сознания, постепенно обретшего способность воспринять глобализацию.

Сдвиг от социализма к рыночной экономике относится, по-видимому, к эндогенным эволюционным процессам мировой экономики, которые можно поставить в один ряд с кризисами типа Великой американской депрессии. Если тогда шло становление национального денежного капитала, то с середины 70-х годов прошлого века быстрыми темпами пошло формирование мирового глобального денежного капитала.

Мировой глобальный рынок принято называть экономикой финансового капитала. Это неверно, поскольку базисом глобализации является денежный капитал. Напомним, что инвестиционная функция, наряду с функцией денежного обращения, является, как показал Хикс, содержанием денежного капитала. Именно ему принадлежат такие феномены, как система сетевых рынков, бюджетная система, система банков во главе с Центробанком, страховые и другие фонды. Все это — формы капитализированного дохода, или денежного капитала.

Рынок денежного капитала производит деньги: создает самые разные виды денег и квазиденег и формирует их оборот. В результате складывается система рынков с приматом текущего рынка, ограниченного динамикой спросового капитала и свой-

ственной ему сопряженностью инвестиционного и потребительского видов спроса. Стратегия должна де укладываться во временной интервал бюджетного плана и в объем бюджетных ресурсов. Рыночная экспансия вынуждена опираться на инфляцию. Как следствие, инфляционная насыщенность рынка ведет к его деградации — от сложных структур макроуровня к примитивному конкурентному рынку ($\Delta - T - \Delta$). Глобализация поддерживает процесс усложнения, но сводит его к масштабной интеграции. Интеграция — это тоже усложнение, но на порядок ниже по степени сложности.

Развитие рынков денежного капитала достигает своей высшей степени только сейчас, на уровне глобальной мировой экономики. В начале XX в. базисом рынка был промышленно-торговый капитал (с системой оборотов типа $T - \Delta - T$). Соответственно, возможности роста валютно-денежных и финансовых рынков были ограниченными. Середина XX в. была ознаменована развитием рынков национального денежного капитала (с системой инвестиционно-денежных оборотов типа $\Delta - T - \Delta^1$). Наконец, с конца 70-х годов XX в. мировая экономика вошла в режим макроэкономики и финансово-денежных оборотов системы открытых рынков. Это означало, что рынок перестроился. К ценовой и правовой трансакциям присоединилась также социальная трансакция. Экономика стала политизированной и бюджетной. Для рынка с развитой социальной трансакцией была характерна потребность в стратегическом государственном регулировании. Однако бюджетная экономика не имела соответствующей капитальной базы. Такой базой является финансовый капитал, а не капитализированный доход. Именно эту задачу трансформации глобального денежного капитала в финансовый и решает текущий кризис. Сложность состоит в том, что такая трансформация выходит далеко за рамки финансово-денежных задач погашения кризиса.

Мировая экономика столкнулась с проблемой социальной эволюции не только рынка самого по себе, но и обеспечения единства рынка и государства. Их единство должно быть пронизано четырьмя трансакциями. При этом четвертая, информационная трансакция обуславливает необходимость развития демократии на принципах либерализма, в основании которого лежит не просто равенство политических и социальных прав граждан. Речь идет также об обогащении социально-экономических отношений

функциями эмитента, инвестора, производителя и потребителя на всех уровнях экономики и применительно ко всем субъектам. Такая глубина либерализма предполагает изменение структуры личности на основе примата духовных потребностей и, вместе с этим, проникновение общественного массового сознания в систему объектно-субъектных отношений рынка и их трансформацию в субъектно-объектную модель экономики, основанную на принципах эндогенной эволюции и рыночной самоорганизации.

Таким образом, мировая экономика осуществляет социальный переход, предполагающий триединство финансового капитала, стратегического регулирования развития общества и сохранения цивилизации как основного принципа сосуществования человечества.

Что такое финансовый капитал? Прежде всего это полное определение понятия капитала. Финансовый капитал есть форма расширенного воспроизводства национального богатства, т.е. условий и факторов жизненной системы, присущей данной цивилизации. Что такое цивилизация? Цивилизация представляет собой сложное системное единство трех компонентов: земли (территории), добытой и сохраняемой не только предками, но и современными людьми; общественной кооперации живого труда, действующей на этой земле; религии как духовного основания массового общественного и индивидуального сознания, присущего народам данной цивилизации. Из данного понятия, и именно из него, вытекает проблема глобализации и свойственных ей механизмов выравнивания уровней эффективности в масштабе мировой экономики.

Во-первых, отсюда следует необходимость глобальных механизмов, обеспечивающих выравнивание уровней эффективности локальных рынков и их одновременное подтягивание до мирового уровня.

Во-вторых, если существование цивилизаций является нормой для жизнедеятельности мирового сообщества, как в целом, так и на уровне национальных государств, то необходим механизм поддержания экономической и политической локализации и сложившихся ступеней диверсификации экономики.

В-третьих, на современном, достаточно высоком уровне развития мировой экономики центр тяжести системы разнока-

чественных процессов, присущих цивилизации, должен сосредоточиваться не в точке выравнивания уровней эффективности, а в точке рыночного *взаимодействия* всех субъектов рынка. Главное слово глобализации — это не бег за лидерами, не усреднение эффективности, не управляемость рынка мировыми институтами. Это слово — «взаимодействие». При этом задача государства — не в борьбе со своей оппозицией и даже не в усилиях по соблюдению прав человека и социальной защите населения, а прежде всего в поддержании высокого тонуса и критической направленности общественного массового сознания, достаточных для анализа и оценки бизнеса и формирования стратегических целей и приоритетов государства.

Формирование мирового финансового капитала лежит в основании нового типа стратегического рынка, который, как мы считаем, заменит сетевую конструкцию мирового рынка вертикальной. Мы имеем в виду последовательность открытых рынков: финансового капитала — денежного капитала — производительного кластерного капитала — социального капитала. Стратегический рынок финансового капитала имеет своим назначением образование целостной системы транзакций (ценовой, правовой, социальной и информационной). Эта система формирует стратегический инвестиционный квант, вписанный в структуру большого Кондратьевского цикла (БКЦ) и вовлекающий в производство как внутренние, так и международные инвестиции.

Кризисный переход от денежного глобального капитала к финансовому капиталу — это уже не слабо управляемая стихия, а эндогенная эволюция, механизм которой строится на рыночной самоорганизации и синергетических принципах. Мировая экономика начинает осваивать синергетику, но это обстоятельство изучено мало. Научная общественность все еще склонна связывать особенности современной глобальной экономики с технологическими аспектами индустриальной и постиндустриальной эпохи (Глазьев, 2012). Между тем, *чтобы слаборазвитым странам сравняться с передовыми, неверно искать ключ развития в технике и технологии*. Нельзя стать лидером в роли «великого комплектовщика». В России с ее огромной территорией, климатическим разнообразием и возможностями культурного роста проблема

догоняющего развития должна опираться не столько на традиционные экономико-технологические возможности, сколько на факторы ментальности, на специфику страны с точки зрения прежде всего способа жизни и только во вторую очередь – на особенности способа производства.

В-пятых, если страны-лидеры во второй половине XX в. вошли в режим постиндустриальных обществ, то Россия отстала от них на 40-60 лет. Более того, отставание (например, от Франции и Германии) было устойчивым на протяжении целых полутора веков. Е. Гайдар полагал, что «имеет смысл проанализировать то, как страны развивались не в течение последних трех или десяти лет, а на длительной исторической дистанции, на протяжении последних двух веков» (Гайдар, 2003). С 20-х гг. XIX в. до 1913 г. в России имели место лишь незначительные отклонения душевого ВВП от среднемировых значений и от значений США и Англии. И здесь мы, следуя логике Е. Гайдара, переходим от экономики к истории.

Временные вехи истории Е. Гайдар связывает с мировыми и гражданскими войнами. Но, подчеркнем, эта связь может быть исследована и вполне экономически – с точки зрения периодов социального подъема и спада, которые обнаруживают активность или, напротив, пассивность населения и рынка в ходе больших Кондратьевских циклов (БКЦ). Эти циклы носят нелинейный характер, так как основные рыночные тренды, присущие внутреннему строению БКЦ (объемные и структурные показатели ВВП и национального дохода, занятости, уровня зарплаты, капиталоемкости ВВП и капиталовооруженности труда, уровня внутренних и внешних цен и т.п.), будучи интегрированными, выявляют природу эндогенной эволюции. Нелинейность, таким образом, сочетается с линейностью, что позволяет исследовать как экономический, так и исторический процессы в россыпи разного рода факторов.

В этом контексте представляют интерес работы Х. Мински, который изучает исторические типы рынков, акцентируя внимание на регуляторных свойствах системы капиталов, присущих каждому из пяти исторических (по Х. Мински) типов экономики. В соавторстве с Ч. Уоленом он выделяет следующие формы капитала, составляющие основу системы рыночного управления макроэкономикой (Розмаинский, 2009):

1. Коммерческий капитализм. Использование внешних финансов для торговли товарами. Торговые банки. Купечество.
2. Промышленный капитализм. Доминирование внешнего финансирования строительства железных дорог, угледобывающей и других отраслей промышленности.
3. Финансовый капитализм, сложившийся на рубеже XIX—XX вв. и просуществовавший до Великой американской депрессии. Внешнее финансирование использовалось для монополизации рынка.
4. Менеджерский капитализм, охвативший период с конца 1930 г. до начала 70-х годов. Позднеиндустриальная денежная экономика. Высокая степень ликвидности балансов хозяйствующих субъектов. Антициклическая политика государства. Поддержка низких процентных ставок. Страхование депозитов финансовых учреждений. Акционерное участие государства в промышленности.
5. Капитализм денежных менеджеров (современная стадия). Доминирование на финансовых рынках институциональных инвесторов. В управлении финансами участвуют не столько коммерческие банки, сколько страховые компании, пенсионные и взаимные фонды. Финансовая система становится хрупкой. Приобретают существенное значение вложения государственных инвестиций в инфраструктуру. Устанавливается госконтроль над финансовыми учреждениями. Х. Мински предложил в этой ситуации, в частности, ввести ограничения на секьюритизацию и развитие рынков производных инструментов, а также на краткосрочное кредитование долгосрочных инвестиционных проектов.

Как бы ни складывалась ситуация в мировой экономике, это всегда проблема управляющих функций капитала, рождающаяся в рамках конвергентной схемы «капитал — государство». Она описывает исторические ступени *политизации экономики и общества*. Совершенно неверно считать государство чем-то внешним по отношению к рынку. Деление экономики на микро- и макроуровни существует внутри рынка. Современный рынок и участие

государства в нем не оставляют никаких сомнений в том, что рынок и государство составляют единую экономическую, политическую и социальную систему. Ее представляет единый сложно организованный субъект: человек – социально-экономическая система – государство – социум.

Современное общество работает с урезанной субъектной структурой: социально-экономическая система, представленная гражданским обществом, и государство. В недалеком будущем государство будет по своим функциям шире, нежели современный политический институт. Это будет сложная политическая, экономическая, социально-культурная структура. Имеется в виду система «капитал – доход», развернутая в особую воспроизводственную модель, которую мы называем двойной экономической спиралью.

Эта спираль создается рынком финансового капитала и не может возникнуть в условиях современной глобализации, базисом которой является денежный капитал. Стержнем спирали является кругооборот финансового капитала, который включает вертикальную последовательность метаморфоз финансового капитала, служащих базисами специализированных рынков. Речь идет о последовательности рынков: финансового капитала, денежного капитала, производительного кластерного капитала, социального потребительского капитала. Эти рынки приносят в анализ соответствующие критерии: предельная обратная величина капиталоемкости ВВП – предельная эффективность капитала – предельная процентная ставка рефинансирования – предельная склонность к потреблению. На основе этих критериев формируются поисковые системы факторов экономического роста в каждом из специализированных рынков.

Последовательность рыночных базисов формирует кругооборот финансового капитала как системной целостности, или сложной открытой синергетической системы рынков. Структурно кругооборот финансового капитала образует стратегическую воспроизводственную синергетическую модель, вписанную в БКЦ. Вертикальная конструкция кругооборота финансового капитала в рамках БКЦ совсем не теряет высокой степени сопряженности системных рыночных связей. Скорее, они становятся даже интенсивнее, чем в сетевой конструкции рыночной системы. Это связано

со специфической функцией «заглавного» стратегического рынка финансового капитала. Его продукт — инвестиционный стратегический квант. Внутренняя структура финансового капитала складывается из четырех транзакций.

Такая структура становится носителем высокой энергетики воспроизводственных процессов внутри БКЦ. Высокая энергетика структурных взаимодействий финансового капитала внутри БКЦ включает в себя, во-первых, способность экономики к наращиванию больших объемов основного капитала (за время большого Кондратьевского цикла происходит 7-8-кратное наращивание). Во-вторых, двойной экономической спирали присуща сопряженность роста капитала и национального дохода. Причем эта сопряженность такова, что можно говорить о сложной параллельной динамике капитала и дохода, включающей процесс взаимного наложения размерностей роста капитала и дохода. Итогом становится экономический рост со следующими четырьмя свойствами:

- 1) элементарный (единичный) период T равен 2π с одинаковым ростом капитала и дохода, который как необходимость закладывается именно в границах T ;
- 2) БКЦ равен 6-8 элементарным периодам T ;
- 3) капиталоемкость ВВП равна 1;
- 4) норма накопления в национальном доходе стремится к стабильности.

Общество в своей исторической памяти содержит след того времени, когда рынок опирался лишь на две транзакции — ценовую и правовую. Тогда рынок, являясь рынком свободной конкуренции, реально выступал антиподом государству. Современный рынок, развивая формы единства разных уровней экономической системы, в итоге приводит к удвоению системы транзакций. К исторически первым, которые исследовал Коуз, добавились социальная и информационная. Современная экономика вся становится рыночной, вся становится макро-, вся становится политизированной, вся стремится закрепить демократию. Вместе с тем это не означает, что экономика упрощается: на наших глазах происходит становление стратегического рынка с широким участием мировых инвестиций.

Как реагирует на усложнение рынка догоняющее развитие? Здесь очень важен феномен интеграции, который формирует

эффективные структуры производственных факторов, локализует и, соответственно, упрощает их. В этом смысле можно говорить о самоограничении принципов конкурентного рынка на безграничных площадях глобального рынка. Что сильнее: глобализация или традиционное стремление национальных рынков, поддерживаемое национальными государствами, к самостоятельности? Экономика, в отличие от политики, охотно и успешно ищет компромиссы и находит их. Эту миссию выполняет система трансакций.

Система трансакций (ценовая, правовая, социальная, информационная) отражает метаморфозу капитала из потенциального состояния (капитала-собственности) как свернутого рынка в кинетическую форму взаимодействия в хозяйственной коммуникативной практике. Капитал как свернутый рынок является системной динамической воспроизводственной формой национального богатства, т.е. условий физического и духовного существования своего социума. Будучи же развернутым в рынок, капитал приобретает кинетическую размерность действия и взаимодействия коммуникативного бизнес-пространства. Для того чтобы произошла метаморфоза рынка в капитал, рынок должен иметь интегрированную форму субъекта. Такую форму дает ему государство как система институтов. Для обратной метаморфозы капитала в рынок необходимо заменить субъект диверсификацией, или объективизацией, в формах рыночной экспансии, построенной на частной инициативе, обеспечиваемой политической демократией.

Итак, собственность на капитал — это субъектная форма рынка и одновременно его свернутая, потенциальная форма. Ее раскрытие предполагает взаимодействие рынка и государства. Именно такое взаимодействие обеспечивает трансформацию потенциальной социальной энергетики общества (его динамического потенциала) в кинетическую энергию экономического взаимодействия (как коммуникативной практики на базе институтов спросового потенциала).

Социальный энергетический потенциал и экономический спросовый потенциал необходимо сопряжены друг с другом. Их объединяет и разделяет единство и различие рынка микроэкономики (его представляет модель рынка свободной конкуренции) и рынка макроэкономики (наиболее адекватным выражением макроэко-

номики является кейнсианская модель равновесия мультипликаторов). Если рынок микроэкономики строится как система отношений «объект — субъект», то макроэкономика имеет противоположную природу субъектно-объектных отношений. Микроэкономика тяготеет к совпадению социальной и экономической форм энергии, тогда как макроэкономика подчеркивает их противостояние.

Микроэкономика предполагает выбор эффективных решений в границах оптимального поля возможностей рынка свободной конкуренции. Догоняющее развитие осуществляется в границах *рационального* выбора *рациональными* субъектами рынка под контролем права и ценовой политики.

Выбор вариантов развития в сфере макроэкономики совсем иной. Прежде всего здесь господствует свободный выбор внутри системы «субъект — объект». Свобода распространяется не только на поведение субъекта по отношению к объекту, но и на коммуникативную практику в целом, включая отношения «субъект — объект» и «субъект — субъект».

Отсюда следует, что догоняющее развитие имеет четкую границу. Догоняющее развитие в традиционном понимании заканчивается там, где заканчивается микроэкономика и завершается становление двух первых трансакций, ценовой и правовой, вместе с которыми начинается эпоха макроэкономики и политизации.

В этих условиях догоняющее развитие обретает совершенно новые черты. Оно исполняет внутренние функции экономического роста как целостной воспроизводственной модели национального рынка. Государство всячески поддерживает открытую экспортно-импортную политику, а значит — политику рационализации на уровне конкурентоспособности на мировом рынке. Тем самым глобализация служит социальной опорой национального государства, а современное догоняющее развитие становится геополитикой.

Эпоха макроэкономики и политизации превращает догоняющее развитие в современный конкурентный универсальный механизм. В нем работают институциональные субъекты, связанные, наряду с ценовой и правовой, также с социальной и информационной трансакциями. Это позволяет научной общественности ставить вопрос о снятии различий между макро- и микро-, или о примате макроэкономики по отношению к микроэкономике, и наоборот.

Можно сказать, что политизация как бы реанимирует рынок свободной конкуренции, расширяя границы национального рынка путем включения его в глобальную систему экспортно-импортных и финансово-денежных отношений.

Несмотря на описанное выше кардинальное изменение ситуации, большинство экономистов продолжают настаивать на понимании догоняющего развития как имитации опыта развитых стран. Разнообразные аргументы в защиту этого тезиса, противопоставляя ему идею «рядоположенности» цивилизаций или культур, приводит, например, А.Г. Вишневецкий (Вишневецкий, 2002). Да, факторы экономического роста, первоначально окрашенные в национальные цвета, в последней четверти прошлого века приобрели глобальную окраску, стали интернациональными. Рационализм как будто празднует сегодня сокрушительную победу над «почвенничеством».

Вместе с тем, к концу XX — началу XXI в. в странах с низким уровнем развития обострилось чувство этнической, религиозной и культурной идентичности. Мир оказался на пороге уникального явления: возвращения «почвы» при одновременно меняющемся характере глобализации. В догоняющих странах зреет понимание того, что новая «почва» открывает для них возможности более эффективного и быстрого развития³. Поэтому нарастает интерес к изучению такого «почвенничества», которое неизбежно связано с модификацией классических теорий роста. Необходимо осмыслить *рационализм на цивилизационной основе*.

Понятие догоняющего развития в первоначальном смысле слова было притчей во языцех в послевоенный период. Сейчас стоит задача уточнения этого понятия. С чем это связано? Очевидно, с неудовлетворенностью слепым копированием чужого опыта и попытками стран выйти на иную, более органичную для них траекторию развития. С нашей точки зрения, ею станет неосознанная пока синергетическая, нелинейная модель экономического роста, о которой речь впереди.

3. Невольная аргументация в поддержку данного тезиса приведена в недавно переведенной у нас книге Эрика С. Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» (М.: ГУВШЭ. 2011). Сражаясь с мейнстримом, автор выступает в роли яростного апологета Другого канона, который «был задуман как исходная точка экономики реальности и профессиональная сеть инакомыслящих экономистов» (Райнерт. 2011. С. 353).

ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Сначала выясним, как соотносятся друг с другом «большие» теории экономического роста и отпочковавшиеся от них, но не потерявшие генетической связи с «родителями» теории догоняющего развития. В основе тех и других лежит приверженность новым классическим постулатам (скажем сразу, что сдвиг от линейного к нелинейному подходу неминуемо приведет к отказу и первых, и вторых от беспрекословного следования стандартной экономической теории). А отличает их друг от друга то, что первые теории носят фундаментальный, академический характер, тогда как вторые скорее склонны исходить из анализа живых практик⁴.

Сказанное позволяет нам не разделять, в принципе, нарождающиеся новые элементы роста в «больших» и «малых» теориях. Акцентируя внимание на вторых, мы хотим лишь показать, с одной стороны, их зачастую пионерную роль в выявлении этих элементов и, с другой стороны, все отчетливее осознаваемое ими практическое значение своевременного отказа от традиционной политики догоняющего развития.

Один из ведущих теоретиков догоняющего развития «рыночник» Мозес Абрамовиц выдвинул гипотезу, согласно которой

4. В качестве примера можно привести критику в 1960-е годы. А. Гершенкромом «академика» У. Ростоу за то, что его статические «стадии роста» проходят в однообразной механической последовательности, не учитывающей текущие и стратегические изменения на каждой стадии.

нагнать развитую страну можно только тогда, когда уже имеется такой базовый элемент национального догоняющего потенциала, как «потенциальные социальные возможности» (*social capabilities*) — способность осваивать новые технологии, привлекать капитал и участвовать в глобальных рынках. Последователи Абрамовица Джеффри Сакс и Э. Уорнер, обнаружив, что среднегодовые темпы ВВП на душу населения в странах с открытой экономикой составили в 1970–1989 гг. 4,5%, а с закрытой — 2% (обследовалось 111 стран), сделали вывод, что только свободная торговля и открытость экономики могут обеспечить конвергенцию.

В основе постулата об открытости экономики лежит методологическое требование идентификации научного подхода как рационального. Западная наука не сомневается и сейчас, что глобализация несет в себе потенциал конвергентного экономического роста и, следовательно, задает рыночные условия для повышения эффективности на мировом и локальном рынках.

Одной из проблем догоняющего развития является участие государства в этом процессе. Переоценить эту проблему невозможно, ибо мировая экономика работает не столько на экономических (воспроизводственных) механизмах, сколько на политических. Глобализация — это пространство политизированной экономики. Догоняющее развитие выявляет историческую необходимость пройти путь рационализации национальной экономики, открытой для науки и практики классикой и неоклассикой, кейнсианством и посткейнсианством, монетаризмом и глобализацией. В этом отношении теоретический базис догоняющего развития изучен мало.

Например, согласно гипотезе Александра Гершенкрона, отсутствующие в стране предпосылки догоняющего развития должно восполнять государство. Именно «государственная политика является важнейшим фактором, который может склонить чашу весов на использование преимуществ отсталости» (Burkett, 2003). Нередко это вызывает социальную напряженность, которая сдерживает рост. Тем не менее, государство должно с помощью соответствующих финансовых институтов развивать первичную промышленную инфраструктуру, направлять ресурсы в ведущие отрасли, а также в сельское хозяйство и природопользование на современных принципах экологии. Спектр возможностей эффективного участия

в глобализации может быть принципиально шире, если развитые государства включают в свои внешнеэкономические отношения элементы некоторого цивилизационного «патернализма», например, дополняя бизнес разными формами социального общения.

Профессор Колумбийского университета Ричард Нельсон в октябре 2005 г. в речи по случаю присуждения ему премии В. Леонтьева обратил внимание на другую, с его точки зрения, более значимую, чем роль рынка или государства, проблему. До недавнего времени считалось, что иностранная помощь, поощряемая соответствующей внутренней политикой, решит все проблемы. Сегодня же большинство полагает, что это неверно. Массивные инвестиции нужны, но они недостаточны. Простое копирование вводит в заблуждение, ибо вовсе не означает воссоздания желаемого образца.

Главный вывод, который делает Р. Нельсон: «в двадцать первом веке для того, чтобы догнать, страна должна мобилизовать достаточные собственные силы в соответствующих областях науки и технологий» (Nelson, 2005): обучение на Западе и консультации западных специалистов на своей территории; быстрое развитие местной системы образования; заимствование технологий развитых стран. По мере ужесточения условий оказания помощи со стороны развитых стран догоняющие страны начинают менять свою стратегию, выдвигая на передний план продвинутое обучение и развитие исследовательской базы.

Стандартная теория, по мнению автора, обходит одну существенную особенность инновационного развития в догоняющих странах: они далеко не пережили разрыв со своим привычным национальным опытом, и потому в них очень высока степень неопределенности и рисков. И еще одна особенность. Все возрастающую роль в поддержке и переваривании инноваций играют там, наряду с фирмой, другие институты: местные государственные университеты и прикладная наука, а также сельское хозяйство и медицина, более приспособленные к внутренним условиям. И только «по мере приближения к развитым странам граница между хитроумной имитацией и творческим созданием новых продуктов и процессов начнет стираться» (Nelson, 2005). Нам представляется, что автор недооценивает потенциал развивающихся экономик в повышении эффективности консервативных традиционных продуктов.

Обратимся к взглядам еще одного исследователя – австралийца Джона Мэтьюза, задавшегося вопросом, «в какой степени институты и стратегии, применявшиеся в послевоенный период, могут, после соответствующей модификации, использоваться в новых условиях?» (Mathews, 2006). Ответ на поставленный вопрос автор связывает со стратегическим выбором национальных фирм в условиях глобализации. Используя свои конкурентные преимущества при аутсорсинге со стороны развитых стран, фирмы развивающихся стран «могут рассчитывать на то, что они станут игроками в глобальной экономике и таким образом внесут вклад в подъем экономики собственных стран» (Mathews, 2006, p. 313).

Д. Мэтьюз отмечает связанный с этим очень важный факт: «Сейчас мы вошли в новую фазу глобализации, когда стоимостные цепочки, которые обеспечивают взаимодействия в мире, уже не контролируются, как правило, одним ТНК, а дезагрегированы, составляя так называемые глобальные стоимостные цепочки (*global value chains*)» (Mathews, 2006, p. 322). Эти цепочки, являясь источником потенциального технологического прогресса и интеграции, приводят на смену производственным и товарным цепочкам финансовые.

Приведенные примеры, число которых можно множить, показывают, что нарождающиеся внутренние факторы развития, выявляемые «малой» теорией, незаметно подтачивают основополагающий принцип традиционного догоняющего развития – непрерывную имитацию пути, пройденного развитыми странами. Но пока это скорее внешние приметы, без углубленного анализа того, что стоит за ними и должно составлять главную заботу стран в будущем.

«Большая» теория движется в том же направлении, что и «малая», задавая общие параметры развития. И самый важный вывод из современных экономических исследований состоит в том, что «основные утверждения неоклассической модели экономического роста не подтверждаются практикой»⁵. Имеется в виду, в частности, самокритика экзогенной модели роста Р. Солоу и Т. Суона (1956), которой она подверглась в 90-х годах. Причем речь шла не только о необходимости расширить структуру факторов роста, введя их

5. Models and Theories of Economic Growth / http://en.wikipedia.org/wiki/Economic_growth

одновременно в состав эндогенной модели. Авторы указывали, что неверными являются попытки ввести в эндогенную модель роста технический прогресс в качестве главнейшего и целостного фактора. До сих пор указанная точка зрения никем не оспорена. Это не случайно, так как такую методологическую возможность, по нашему мнению, представляет синергетика.

Р. Солоу выделил три этапа развития теории экономического роста (Солоу, 1996, с. 66–77).

Первый этап связан с работами Р. Харрода и Е. Домара. В этом случае главным объектом анализа был послевоенный восстановительный рост. Соответственно, главным являлось изучение общего рыночного равновесия с точки зрения эффективного распределения национального дохода. Известна формула указанных авторов, связывающая два отношения – норму сбережений к инвестициям и норму ВВП к капиталу.

Второй этап пришелся на 50-е годы. Тогда лидировал сам Р. Солоу. Этот этап продлился до середины 70-х годов. Важнейшие исследования концентрировались вокруг неоклассических моделей, которым противостояли посткейнсианские модели роста. Если в рамках первого этапа превалировала идея экзогенного характера распределения труда, капитала и национального дохода, то неоклассическим моделям было присуще отношение к капиталоемкости ВВП как к эндогенной переменной, изменение которой предполагалось произвольным. Как отмечал Р. Солоу, такое изменение можно было объяснять постфактум, но оно не вытекало из логики самой модели. Поэтому, с его точки зрения, «эта версия модели эндогенного роста очень шатка. Она не может устоять без строго постоянной отдачи капитала. Но надеяться на такую удачу – значит уповать на добрую волшебницу» (Солоу, 1996, с. 73). Р. Солоу перенес идею эндогенного технического прогресса на возможный отдельный конкретный компонент, который может быть неотъемлемой частью модели экономического роста.

Третий этап стал реакцией на проблемы и противоречия неоклассических и посткейнсианских моделей и, в свою очередь, породил череду вопросов и ответов. Р. Солоу высоко ценил таких ученых, как П. Ромер и Р. Лукас, которые выдвинули проблему возрастающей общественной отдачи, получаемой от вложений в

НТП и человеческий капитал при условии, что норма сбережений к национальному доходу равно отношению национального дохода к капиталу⁶.

Между тем можно говорить об общественной отдаче, получаемой не только от вложений в НТП и человеческий капитал. Развитие глобализации и формирование взаимодействий разного рода — все это тоже дает отдачу как для глобализации в целом, так и для национальных экономик. Это — отдача мировой коммуникативной практики.

Здесь важна одна аналогия с отдачей от вложений в НТП и человеческий капитал. Речь идет о неразвитом, может быть, просто еще не созданном механизме такой отдачи. Р. Солоу глубоко прав, когда ставит проблему органического включения элементов НТП в общую модель экономического роста. Еще более сложной является задача включения национальной экономики в мировую. Р. Солоу прав и тогда, когда утверждает, что в рамках действующего хозяйственного механизма (классических, неоклассических или посткейнсианских моделей) не существует возможности поддержать устойчивую стабильность капиталоемкости ВВП и тем самым регулировать экономический рост при условии, что норма сбережений к инвестициям равна отношению ВВП к капиталу.

К сказанному примыкает теория так называемого познавательного богатства (*theory of cognitive wealth*) как решающего фактора, создающего богатство национальных экономик. Каждый пункт IQ нации повышает ВВП на 229 долл., а каждый пункт IQ самых сильных 5% умов (интеллектуальной элиты) нации повышает ВВП на 468 долл. Авторы этой теории психологи Хайнер Риндерман, Майкл Сэйлер и Джеймс Томпсон (Rindermann et. al. 2009) считают, что интеллект и знания, порождая богатство нации, в свою очередь, стимулируют новый виток познавательных способностей.

-
6. Последовательная эндогенная теория роста П. Ромера и Р. Лукаса (конец 80-х годов) уже включила в себя концепцию человеческого капитала, навыки и знания, повышающие производительность труда. В отличие от производительного капитала, человеческий капитал ведет к растущим темпам капиталаотдачи, вследствие чего экономика никогда не пребывает в устойчивом состоянии. Темпы роста не снижаются по мере накопления капитала, а зависят от его вида. Короче говоря, в центр внимания переносятся факторы увеличения человеческого капитала (например, образование) и технологических изменений (например, инновации).

К достижениям «большой» теории можно отнести также модели, имплантирующие свободу, демократию, права человека в действующие модели роста.

Некоторые авторы разделяют сектор знаний на микро- и макро- сектора: первый включает знания, полученные каждым отдельным человеком в школе или иным путем, второй представляет собой философское мирозерцание, присущее данной нации. От комбинации двух указанных видов знания во многом зависит дальнейшее развитие страны.

Накопление эндогенных предпосылок перехода к новой, неизведанной модели роста, и теоретическое осмысление этих предпосылок ставит перед нами вопрос: на какой почве совершается произрастание будущей модели? Попутно заметим, что, частично отказываясь от линейного следования за опытом развитых стран, развивающиеся страны, тем не менее, находятся в одном ряду с ними в процессе освоения новой, нелинейной модели развития. И в этом состоит очередной удивительный парадокс истории.

ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ КАК ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Национальные черты всегда были и остаются неотъемлемой частью *сущностной* характеристики любой социально-экономической системы. Из этого необходимо исходить и при анализе моделей экономического роста в условиях глобализации.

Попытка СССР и его сателлитов одним прыжком попасть в развитый капитализм имела одно неоспоримое достоинство: она прервала затянувшийся социалистический эксперимент. Но пересадить западную модель на свою почву оказалось практически невозможным. А. Аузан и К. Келимбетов справедливо отмечают, что «решение модернизационной задачи ... *не может быть обеспечено при следовании простым «стандартизированным» рецептам*, которые, в частности, предлагались экспертами из развитых стран и международных организаций. Механическое копирование положительного опыта, как показывает практика последних 50 лет, никогда не было успешным» (Аузан, Келимбетов, 2012). Нашим авторам вторят китайские специалисты: «Разным странам следует выработать собственную модель модернизации, так как подражание чужим моделям может оказаться рискованным» (Хэ Чуаньци, 2011). Добавим: может даже привести к противоположному результату.

Переводя культурно-исторические особенности континентов, отдельных стран и территорий внутри стран (особенно крупных) из формальных характеристик в содержательные, мы выступаем не против умаления «почвеннических» ценностей по

сравнению с якобы более прогрессивными «космополитическими». Нет, мы попросту не отделяем их друг от друга! Повторим вслед за Достоевским: многие общечеловеческие ценности мы «выстрадали самостоятельно, точь-в-точь как те, там — на Западе, для которых все это было свое, родное» (Достоевский., 1981).

Глобализация (и частный ее случай — Европейский союз) не стирает самобытность стран, а, наоборот, заставляет задуматься об ее вмонтировании в процессы модернизации и решения других важных задач общественного воспроизводства. Каким образом? Выше мы уже частично касались этого вопроса. В литературе подробно освещен опыт ускоренного развития Корейской Республики (чеболи, в последнее время — дополняющая их сеть инновационных кластеров) и других азиатских «тигров». Экономика Бразилии растет уже много лет быстрее, чем мировая⁷.

Остановимся подробнее на догоняющем развитии России. Вот как рассуждает на этот счет экономист-аналитик М. Хазин. Критически оценив официальные данные об экономическом росте и инфляции, отметив плачевное состояние уровня жизни, отдельных отраслей и регионов, банковской сферы России, автор задается вопросом: «а может быть, все дело в исходных предпосылках? Может быть, сама модель «догоняющего роста» в рамках «западной» экономической парадигмы для нас не совсем применима?» (Хазин М., 2011).

Из проведенного автором достаточно подробного анализа «однозначно следует, что в рамках точного следования «западной» экономической парадигме (открытые рынки, вступление в ВТО, конкуренция с ТНК без использования административных государственных рычагов, отказ от эмиссии рублей) шансов на «догоняющее» развитие у нас нет... Нам нужна собственная система ценно-

7. В структурном отношении экономики России и Бразилии довольно схожи. Уровень экономического развития и зависимости от сырьевого сектора также в целом аналогичны. Сегодня, однако, средний коэффициент p/e (*price/earnings ratio*, т.е. отношение рыночной капитализации компании в России, или совокупной стоимости ее акций, к чистой годовой прибыли) составляет 4,5, а в Бразилии — 8 // The New Times. 27.02.2012, с. 31. Автор статьи Андерс Ослунд полагает, что «низкая оценка российского рынка акций вызвана плохим качеством корпоративного управления, проистекающим из авторитарного стиля государственного управления, и общим неуважением к закону» (с. 33). Это так, но, очевидно, есть и другие, не менее важные причины. В частности, шаблон в использовании западных образцов.

стей, в рамках которой мы можем искать себе союзников не среди государств (которые уже давно сидят «на игле» западных денег), а среди людей. И если они с нашими ценностями начнут соглашаться, то есть все возможности повернуть вспять процесс «отрывания» от России потенциальных союзников». Речь идет прежде всего о расширении «собственных потребительских рынков, на которые покупатель ходит с рублем, а не с долларом или евро». А для этого необходимо срочно начать работу по созданию «рублевой» валютной зоны, в которой именно рубль станет эмиссионной валютой» (Хазин М., 2011).

С таким подходом можно в какой-то степени согласиться (Евстигнеев, Евстигнеева, 2010). Однако в нем практически не затронуты внутренние предпосылки отказа от доминирующего ныне взгляда на догоняющее развитие. Вместе с тем методология догоняющего развития должна строиться не на оценках преимущества Запада по сравнению с Россией или наоборот, а на основе открытых наукой и подтвержденных практикой законов рационального ведения бизнеса и экономической политики государства. Здесь есть о чем спорить. Например, о применимости рациональных принципов экономического и политического поведения людей в линейном мире или о неприменимости линейных законов и вытекающих из них принципов рациональности в нелинейном мире, в частности в экономике как синергетической системе. Наши решения должны быть адекватны законам того мира, в котором мы живем. Нельзя спорить о принципах, о ценностях, о построении моделей экономического роста и т.п. без понимания природы той социальной материи, к которой мы принадлежим.

Нельзя делать выбор, подстраиваясь к меркам обыденного. Социальный мир не проще физического. Например, давно идет спор о капиталоемкости экономического роста. В ходе занятий этой проблемой мы пришли к выводу, что законы капиталоемкости раскрываются только в рамках нелинейной теории экономической синергетики. В линейном мире капиталоемкость либо подчиняется условному нормированию (скажем, принимается за 1), или предполагается, что она изменяется спонтанно, или регулируется частично в моделях неоклассического типа и т.п. Вопрос в том, можем ли мы достаточно надежно определить характеристику системы, которую создаем.

К рациональным для условий России принципам мы бы отнесли, в первую очередь, формирование территориальных инвестиционных кластеров, посредством которых можно было бы наиболее эффективно сомкнуть сегодня развитие национальной экономики с международным разделением труда. В недавно представленном новом исследовании, посвященном конкурентоспособности регионов РФ, Евразийский институт конкурентоспособности совместно со Сбербанком и Strategy Partners Group пришли к выводу, что базовые конкурентные преимущества российских регионов теряют свой вес, и что «часто движение к процветанию регионов необходимо начинать с активации кластеров» (Шаповалов, 2012).

Число таких кластеров в нашей стране множится⁸, но они пока не могут выполнять задачу формирования целостной системы внутреннего рынка на принципах инвестиционных территориальных рыночных кластеров, поскольку экономика еще не превратилась в синергетическую систему.

-
8. Один из последних примеров – создание силами компании «Автотор» совместно с Magna нового, третьего после Тольятти и Петербурга, автомобилестроительного кластера в Калининграде. К 2018 году в него войдет 21 новое предприятие, в том числе 6 автомобильных заводов полного цикла с совокупной производственной мощностью 350 тыс. автомобилей в год и 15 заводов по производству комплектующих. Проект предусматривает также строительство жилья для 20 тыс. рабочих новых предприятий // Эксперт №15, 16–22 апреля 2012, с.12. Примечательно, что основу стратегии АвтоВАЗа составляет сегодня собственный инжиниринг и расширение модельного ряда // Эксперт №19, 14–20 мая 2012, с. 73–78.

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ

И тут мы подошли, наконец, к главному вопросу: что означают процессы, описанные выше? Такие, как изменение характера глобализации. Движение от экзогенной к эндогенной модели экономического роста. Возвращение к национальным корням при решении современных общемировых проблем развития. Не означают ли они, что происходит подспудное движение к качественно новой, с нашей точки зрения, синергетической модели?

Многие экономисты – каждый по-своему – все острее ощущают неотвратимость парадигмальных перемен. Так, Нобелевский лауреат по экономике, знаменитый психолог-бихевиорист Даниэль Канеман в своей недавней книге «Мышление, быстрое и медленное» проводит мысль о том, что «глубочайший финансовый кризис, начавшийся в 2007 году и до сих пор, по сути, не закончившийся, вполне можно считать следствием огромного числа безответственных интуитивных решений, вынесенных «быстрыми» умами. Аналитики с «медленным» мышлением повторяют, что кризис вызван истощением самой модели развития, – но их пока не очень хотят слушать» (Янин, 2011). О неизбежности перехода к некой новой модели пишут социолог Иммануэль Валлерстайн (Валлерстайн, 2003), экономист Альберт Хиршман (Хиршман, 2012) и другие авторитетные исследователи. Мы недвусмысленно определили свою позицию по этой проблеме в одной из своих последних статей (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011).

По нашему мнению, деградация современного общества, в том числе российского, может быть преодолена не с помощью бесконечного умножения капитальных вложений, как полагают большинство экономистов, а только путем зарядки общества мощной социальной энергетикой. Разрабатываемая нами концепция (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010, 2012; 2011) как раз и направлена на повышение степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса. Имеются в виду все субъекты рынка, объединенные фрактальным подобием функций эмитента, инвестора, производителя и потребителя. По мере продвижения общества к более сложной системе – социуму – фрактальное подобие индивидов дополняется тремя их ипостасями – этнической, социальной и духовной – роль которых в новых условиях неизмеримо возрастает.

Все отчетливее проявляющаяся самоидентификация личности, ее отказ оставаться лишь пассивным потребителем идеологии, вырабатываемой элитой, способствует усилению самоорганизации, социального подхода к росту (нелинейная динамика) в отличие от факторного, технологичного подхода (линейная динамика). Такова глубинная подоплека изменений в теориях экономического роста, в том числе теориях догоняющего развития. Такова и глубинная причина возрождения своеобразного, встраивающегося в глобализацию «почвенничества» в догоняющих странах.

Проблема догоняющего развития стала по-настоящему актуальной в настоящее время — время бурной глобализации.

В 50-е годы прошлого века догоняющее развитие опиралось на экономическую классику. Именно тогда родилась идея производственной функции как нормативного метода расчета суммарной эффективности основных факторов производства – труда и капитала.

В 60-е годы строгая классика сменилась неоклассикой, в рамках которой разрабатывалась идея совокупности факторов, и была сформулирована особая роль технического прогресса, который теперь вошел в состав основных эндогенных факторов экономического роста. В результате догоняющий рост перестал исчисляться периодами исторического отставания догоняющих стран от лидеров. Как мы отметили выше, согласно методологии неоклассиков, России

«полагалось» отставать на 50-60 лет от лидеров (США, Германии, Франции). Однако Япония дала урок резкого сдвига в индустриализации и развитии высокотехнологичной промышленности. Значение этого урока состоит в том, что энергетическим источником успеха явилась высокая сосредоточенность общества — всего общества, как элиты, так и простого народа, — на решении поставленной единой задачи европеизации страны (Скворцова, 2012).

В 70-е годы, когда главной опорой интенсивной глобализации стала политизация экономики и общества, теоретическая экономика продвинулась вперед в разработке идей кейнсианства и посткейнсианства. Кейнсианство своим авторитетом подкрепило реформаторские усилия государства, которое предполагало сильную финансовую систему, представленную центральным банком, финансовым рынком и госбюджетом. Кейнс еще до Первой мировой войны предрекал победу не тому государству, у которого хорошо вооруженная и умелая армия, а тому, у которого хорошо развита финансовая система.

Международные финансовые институты сумели в 70–80-е годы обеспечить качественный скачок в развитии мирового рынка и мировой финансовой системы. Интенсивная глобализация — детище денежного капитала. По Хиксу, важнейшей функцией денежного капитала является инвестиционная. Именно эта функция заложила основу догоняющего развития при опоре на мощные структуры — международные политические и экономические объединения. Таким образом, проблема догоняющего развития стала проблемой финансово-кредитных отношений, глобальным субъектом которых является государство. Любопытно, что финансовые рынки несут на себе функцию защиты демократических рыночных начал. Так, кризис 2007–2008 гг. выявил взаимную потребность государства и центрального банка в антикризисной защите, тогда как финансовый рынок занял более последовательную рыночную позицию.

В 80–90-е годы обозначилась единая система глобальной экономики с абсолютным приоритетом государства, что, конечно, не отменило своеобразия устройства национальных государств, элиты и общества в целом. Ситуация с глобальной экономикой складывалась противоречиво в том смысле, что национальная экономика имела одну меру — состояние бюджета, его ресурсов и обеспечен-

ную или не обеспеченную им социальную, экономическую, в том числе индустриально-инновационную политику. Вообще, внутренняя и внешняя политика государств, в конечном счете, определялась их финансовыми возможностями. В этом плане можно утверждать, что мировая экономика приобрела черты бюджетной экономики, что отразилось, например, в приведенной выше схеме Х. Мински.

Можно утверждать, что эта схема отражает развитие денежного капитала (национального капитала, мирового капитала, на уровне глобализации), в котором все больше обозначались черты денежной экономики с растущей ролью государства и госбюджета. Мы же обозначаем виды капитала с точки зрения их роли как базисов воспроизводственных моделей с учетом свойственных им форм стоимости⁹ в рамках теории Маркса. Это открывает другую перспективу – синергетическую, в которой усиливается роль рынка, правда, имеющего более сложное строение.

Современное состояние мировой экономики является кризисным. Если следовать общему мнению, речь идет о мировом финансовом кризисе. В общем, нынешний кризис и не может быть другим, если это кризис денежного капитала, причем глобального денежного капитала. Соответственно, ситуация не менее сурова, чем в период Великой американской депрессии. Тогда БКЦ разрешился Второй мировой войной, за которой как раз и последовала практика догоняющего развития.

Довольно сильное напряжение в мире существует и сейчас. Однако современный БКЦ стоит на ином пороге. Если в начале 30-х годов еще только складывалась денежная экономика, которой предстояло стать глобальной, то сейчас мы живем в целостной мировой системе денежного капитала. Ее глобальные риски, во-первых, связаны с превращением капитала в доход, т.е. секьюритизацией. Во-вторых, в ней сформировалось противоречие, разрушающее возможности действия единой мировой системы инвестиционного экономического роста. В-третьих, базовым риском является также мировой кризис ментальности, чреватый войной между двумя основными цивилизациями – христианской и мусульманской.

9. Финансовый капитал, денежный капитал, производительный (внутренний региональный) капитал, социальный капитал.

Стоит задача перевести риски глобального денежного капитала и адекватного ему БКЦ в режим формирования нового БКЦ на базе финансового капитала. Как это сделать?

Во-первых, разделить капитал и доход, т.е. устранить смешение капитала и дохода в пользу дохода, свойственное секьюритизации.

Во-вторых, восстановить целостность инвестиционного рынка, объединив дефляционный («американский») и инфляционный («российский») типы экономического роста.

В-третьих, наладить отношения между цивилизациями и на культурной, и на экономической почве, отказавшись от погони за максимальными темпами ВВП и заложив синергетические основы функционирования мировой и национальных экономик.

Как связаны между собой перечисленные риски? Что объединяет в единое целое систему рисков? И почему бифуркационный кризис, т.е. переход от глобального денежного капитала к финансовому капиталу (экономической синергетике) в теории, возбуждает идеи национальной специфики (эндогенного развития)?

Система рисков в своей целостности говорит о потере различий между капиталом и доходом. Секьюритизация есть инфляция активов. В денежном капитале больше не разделяются инвестиционная функция и функция ссудного капитала (денежного оборота). Если активы — это деньги, то функция инвестиций реализуется исключительно количественно. Только очень большие деньги отделяют функцию инвестиций в денежном капитале от функции денег как формы стоимости (а значит, от собственно денежных функций).

Что нужно предпринять для того, чтобы разделить капитал и доход? Самый простой ответ, который напрашивается, — локализовать процесс догоняющего развития, заточив его в границах национального государства. Вопреки классической теории, не знающей границ для денег, опереться на национальную специфику и, следовательно, на национальные деньги, а точнее, на национальный денежный капитал.

К сожалению, это не решает проблемы действующего бифуркационного кризиса, в котором мировое сообщество поставлено перед ложным выбором между: а) рациональностью классиче-

ской теории и авторитетом (иногда даже военным) ее практических носителей — мировых лидеров; б) формированием закрытой экономики и закрытого государства (автократии). Здесь невозможен ответ типа «что лучше, а что хуже» уже потому, что в бифуркационный кризис вошла мировая экономика как целое и, соответственно, решение нужно искать на уровне мировой экономики как целого. Отсюда вытекает невозможность снятия трех генеральных рисков по отдельности. К счастью, мировая экономика созрела до понимания этих рисков.

О чем говорит *первый риск* — риск секьюритизации? О том, что нужно разделить в мировой денежной системе функции денежного капитала как инвестора и денежного капитала как института долговых оборотов. Однако нельзя решить эту, казалось бы, очевидную задачу применительно к отдельно взятому риску секьюритизации. Нужно решать проблему так, чтобы не нарушалась природа денежного капитала (по Хиксу).

Второй риск связан с утратой единого инвестиционного рынка. Однако без такого рынка невозможно формирование стратегии, временные горизонты которой определяются алгоритмом БКЦ. И это не только примерно 50 лет, но и 200 лет, если учитывать целостность циклов как последовательности движения форм стоимости — всеобщей, денежной, глобальной денежной, финансовой. Эту задачу тоже нельзя решать частично, на уровне составления вариантов стратегического планирования или практического формирования разного рода целевых межгосударственных проектов.

И тут мы снова сталкиваемся с необходимостью решать проблему риска применительно к мировой экономике и как глобальную по своему масштабу. Дело в том, что мировая экономика ведет к аккумуляции денежных ресурсов в рамках национального рынка США. Возникает парадоксальный эффект. Для того чтобы американский бизнес предпочел экспорту инвестиций вложения в свой национальный инвестиционный рынок, ему необходима чрезвычайно низкая банковская процентная ставка и высокая устойчивость конъюнктуры в отрасли капитального строительства. В противном случае банковская система предпочтет все другие банковские операции, а отрасль капитального строительства будет испытывать депрессию. При достаточно большом приливе внешних

инвестиций в американскую финансовую систему экономика будет показывать вялый экономический рост на границе учетной ставки близкой нулю. Это – дефляционный тип экономического роста. Его отраслевая структура в качестве своего базиса опирается на комплекс инвестиционных и инновационных отраслей. В грубом приближении дефляционный тип экономического роста можно назвать американским.

Ему противостоит российский (тоже условное название) тип. Его отраслевой базис – сырьевой топливно-энергетический комплекс. В отличие от дефляционного типа это тип инфляционный. Вместе с тем оба типа носят не воспроизводственный, а кумулятивный характер. Субъектом их формирования является государство. То есть, строго говоря, это глобальная структура бюджетного типа экономики, или полностью политизированной экономики.

Выход из обеих зон риска требует отказа от сетевой структуры рынка. Сетевая структура ведет к тождеству капитала и дохода, например в виде инфляции активов. Не меньшее значение имеет формирование целостного стратегического рынка капитала на базе БКЦ. Без этого условия не может быть снято противоречие дефляционного и инфляционного типов экономического роста, и не удастся укрепить глобальный рынок на каркасе четырех транзакций – ценовой, правовой, социальной и информационной.

Для предотвращения *третьего риска* (кризис ментальности и возможность столкновения цивилизаций) необходима очень серьезная работа по формированию культурной и социально-экономической основы для союзнических отношений между христианской и мусульманской цивилизациями. Однако этого недостаточно. В мировой экономике должна быть преодолена фетишизация погони за максимизацией темпа экономического роста. Максимальный темп экономического роста создает сильную нагрузку на все компоненты экономики. Косвенно это нарушает гармонию в обеих подсистемах мирового рынка (как дефляционной, так и инфляционной), соответственно, нарушается спокойствие в межцивилизационных отношениях. В этом плане было бы очень важно иметь эффективную экономику и высокий потребительский спросовый потенциал в мировой экономике в целом. А это уже проблема сложной синергетической системы, в которой взаимодейству-

ют: финансовый капитал, рыночная вертикаль, воспроизводственная модель БКЦ, ментальная схема экономики, двойная экономическая спираль.

Мы не рассматриваем здесь структуру и институты ментальности. Они органически входят в экономику как синергетическую систему. Приглашаем читателя ознакомиться с нашей упомянутой выше монографией на эту тему. Здесь же только подчеркнем, что нарастающий интерес общественности к внутренним для отдельных стран проблемам догоняющего развития очень тесно связан с включением ментальности в самую суть этих проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы пришли к выводу, что снять риски, о которых шла речь выше, невозможно, если пытаться искать решение для каждого из них в отдельности — избыточной секьюритизации, отсутствия единства инвестиционных глобальных рынков, неполноты субъектной структуры экономики, в которой своей собственной экономической формы не имеют ни отдельный человек, ни социум как целостность. Что же, кроме выявления собственно системы рисков, нужно предпринять для того, чтобы их преодолеть? На этот вопрос пока не ответил никто.

На наш взгляд, причина такой безответности очевидна: общественное мнение, в том числе мировое, не работает с открытым горизонтом перспектив. В базисных свойствах национальных и глобальной экономик в этом отношении не предполагается каких-либо принципиальных изменений. Опираясь на идею демократического неолиберального государства, перенасыщенного разного рода регуляторами (административными, финансовыми, политическими), мы при этом не имеем механизмов управления будущим. Мы целиком полагаемся на мнение элиты, подменяя при этом духовность имущественным цензом (или карьерным положением, что одно и то же). Произошедший 20 лет назад упадок государственной коммунистической идеологии не добавил свободы человеку и не повысил уровень массового общественного сознания.

Приоритетная роль элиты как круга лиц, близких к государству, в формировании массового общественного сознания моти-

вируется, как правило, не превосходством духа и знания, а ссылкой на политизацию и огосударствление. Отсюда традиция: приказы и распоряжения администрации не отменяются. Если они неудачны, как, например, единый государственный экзамен, то начинает работать машина поправок, частичных исправлений. Государство, таким образом, избавляет себя от критики и самокритики и превращает любое положение, исходящее от государственных структур, в новую стартовую площадку развития со знаком «плюс» или «минус», как уж придется.

Для того чтобы открыть горизонт перспектив, необходимы две вещи. С одной стороны, регулярные публичные обсуждения государственных планов и отчетов. Об этом когда-то писал ЕБРР как о самой важной функции государства. С другой стороны, в стране должна быть хорошо организована и достаточно эффективна экономика. Это очень простые условия существования высокого социального тонуса и, как следствие, ощущения исторических перспектив жизни человека, общества, государства, социума как своих собственных¹⁰.

Свойственное цивилизации триединство — земли, общественной кооперации живого труда, религии — испытывает сложные исторические преобразования. Цивилизация приобретает синергетические свойства открытой сложной системы, способной к эндогенной эволюции на принципах рыночной самоорганизации. Синергетические преобразования приобретают опору в факторах, обеспечивающих массовую (статистическая мода) поддержку сложившихся вариантов социальных изменений. Заметим, что это не поддержка неорганизованной толпы или движения типа «оранжевых революций». Речь идет о конкуренции механизмов социального тонуса, способных максимально активизировать какой-то из трех компонентов цивилизационного триединства и привлечь в свою поддержку частично другие структуры общества. Так создается синергетическое социальное большинство, ориентированное не на

10. Не исключено, что концепция догоняющего развития получила в свое время широкое распространение в качестве квазиперспективы (шагать в ногу со странами-лидерами). Но в эпоху крупных бифуркационных переходов, один из которых мы сейчас переживаем, догоняющее развитие не может служить ориентиром на будущее.

вооруженное восстание и другие насильственные меры, а на социальный консенсус на уровне массового общественного сознания.

Бифуркационный переход не является, таким образом, максимально рациональным. Он является максимально зрелым из возможных вариантов, подлежащих социальному выбору. Здесь мерой рационального является энергия социального тонуса. За прошедшие 20 лет было перепробовано немало вариантов реформирования. Либеральный вариант. Коррекция социализма, исходя из признания необходимости рыночных преобразований. Либерально-демократический проект. Изменение технологического базиса социальных преобразований. Использование механизма ручного управления. Разные степени демократизации. Похоже, что к бифуркационному переходу подводят как бы случайные структурные составляющие, вместе создающие негативное распадающееся целое. Возникает возможность перегруппировки регионов и возникновение новых экономических и политических центров страны.

Видимо, Российская Федерация достаточно глубоко вошла в режим формирования экономической синергетики, базисом которой является финансовый капитал. Соответственно, разрушаются сложившиеся теоретические традиции. Привычно микроэкономика тяготеет в своем модельном видении к рынку свободной конкуренции, тогда как макроэкономика отрабатывает государственную интерпретацию перспектив развития рынка. Но в настоящее время уже обнаруживают себя либо позитивно, либо негативно многие черты будущего, которое мы связываем с переходом от экономики денежного капитала к экономике финансового капитала. Нужно только научиться это видеть.

Так, в рамках экономики финансового капитала первенство принадлежит рынку (прежде всего финансовому), а не системе «Центральный банк – Госбюджет». Но разве не об этом говорят финансовые или денежные пузыри? Вообще, вступая в мир финансового капитала, мы вступаем в мир рынков, причем организованных как система *кругооборотов* разных видов капитала, а не связки оборотов национального дохода. Обороты национального капитала привязаны к кругообороту финансового капитала в рамках двойной экономической спирали. Еще совсем недавно абсолютный приоритет в экономике принадлежал госбюджету. Теперь его «автономия»

подорвана двумя мощными рыночными системами. Первая – рыночная вертикаль во главе со стратегическим рынком финансового капитала. Вторая – система рынков, встроенных в структуру БКЦ. Это рынки, подчиняющиеся синергетическим законам эндогенной социально-экономической эволюции, основанной на принципах рыночной самоорганизации.

Что такое принцип рыночной самоорганизации? Это принцип свободы. А что означает эндогенная эволюция? Это развитие, подготавливаемое внутренними процессами, которые способны быть осмысленными массовым общественным сознанием и, соответственно, регулируемые обществом. Каковы функции государства в этом свободном обществе? Оно является субъектом защиты прав граждан внутри страны и прав государства в межгосударственных отношениях. Вместе с тем, осваивая способ жизни внутри свободы, государство и общество осваивают роль государства как квазисоциума. Это его стратегическая социально-экономическая функция, базисом которой является алгоритм жизни общества на основе ритмов БКЦ. БКЦ включает три вида циклов: элементарный (≈ 7 лет), средний (≈ 50 лет) и большой, системный цикл (≈ 200 лет). Но не будем углубляться в содержание экономики финансового капитала. Этому будет посвящен отдельный доклад, в котором мы попытаемся рассказать о синергетической воспроизводственной модели БКЦ и антропоморфных структурах экономической синергетики.

В своем месте мы говорили об отличии микроэкономики от макроэкономики с точки зрения их отношения к догоняющему развитию. Микроэкономика с ее каркасом, представленным ценовой и правовой транзакциями, формирует механизм включения национального рынка в пространство глобализации. Макроэкономика, опирающаяся на четыре транзакции – ценовую, правовую, социальную и информационную, – способна создать свою особенную национальную воспроизводственную модель, которая опирается на поддержку глобализации, в первую очередь, мировых финансово-денежных рынков. Если представить себе различие микро- и макроэкономик упрощенно, то вариант догоняющего развития микро- опирается на социальную и инвестиционную помощь стран-лидеров. Что же касается варианта макро-, то здесь важно, что экономика развивает способность повышать свою социальную

и экономическую энергетику, превращая национальный рынок в целом в механизм наращивания социальной энергетики, или пассионарности.

В определенной степени к различиям микро- и макро-апеллирует концепция догоняющего развития, разрабатываемая В. Мау. Более того, автор нащупывает путь пассионарного развития национальной экономики. Однако, в отличие от нашего понимания, субъектом пассионарности в его трактовке является не общество (субъект массового общественного сознания), не рынок, а государство. Он формулирует требование пассионарности как «стратегии прорыва»: «более точно было бы говорить не о догоняющем развитии, а о «стратегии прорыва»» (Мау, 2003. С. 95).

Нужно иметь в виду, что автор размышляет о демократическом неолиберальном государстве. Он подчеркивает необходимость снижения созидательного масштаба централизации (Мау, 2003. С. 103). По его мнению, «постиндустриальный прорыв возможен лишь в условиях устойчивой демократии» (Мау, 2003. С. 107). Вместе с тем, он отстаивает свою давнюю идею о том, что «искусство экономической политики было и остается ключевым моментом при выработке стратегии рывка – будь то индустриального или постиндустриального» (Мау, 2003. С. 112). Выглядит немного странным, что элементами прорыва автор считает либерализацию и стабилизацию, эту, по его мнению, «общую основу для дальнейшего развития страны, в том числе и в логике постиндустриального рывка» (Мау, 2003. С. 114). Практически автор становится идеологом ручного управления, т.к., подчеркивая позитивную роль государства, одновременно выступает против официального государственного плана, который «может существенным образом дезориентировать деятельность экономических агентов, подталкивая их... на устанавливаемые властью приоритеты, что сделало бы решение задач догоняющего развития в принципе невозможным» (Мау, 2003. С. 120).

Мы не ставим вопрос так, что, мол, либо стабилизация, либо прорыв. Однако у нас не вызывает сомнений, что прорыв требует специфической модели роста. И мы так подробно остановились на данном авторе только потому, что нам кажется плодотворной его мысль о включении проблем пассионарности в концепцию догоняющего развития.

В завершение доклада нам хотелось бы сказать несколько слов о догоняющем развитии в контексте общих ритмов Истории. О. Мандельштам в своей яркой работе «Девятнадцатый век» показал, как сухой рационализм, «высокий пафос утилитаризма» (Мандельштам. С. 278) XVIII в. преобразился в релятивизм XIX в., в «торжество голого метода над познанием... все науки говорили о своем методе откровеннее, охотнее, более одушевленно, нежели о прямой своей деятельности» (Мандельштам. С. 277). XX в. явился «под знаком величественной нетерпимости, исключительности и сознательного непониманья других миров» (Мандельштам. С. 283). «Элементарные формулы, общие понятия восемнадцатого столетия — предвидел автор в начале прошлого века — могут снова пригодиться... столь высокомерно осмеянный наивный материализм, схематический разум, дух целесообразности еще послужат человечеству. Теперь не время бояться рационализма» (Мандельштам. С. 283). Так и случилось.

Чего же ждать нам от XXI в.? По логике, возвращения в позапрошлый век с его «блестящим и холодным безразличием научной мысли» (Мандельштам. С. 278). Выше мы и попытались по возможности бесстрастно проанализировать изменение представлений об источниках экономического роста и доказать неотвратимость перехода от традиционного догоняющего развития к новой, более современной синергетической модели (в том числе и для стран, которых догоняют). Модели, в которой конвергенция перестает рассматриваться как синоним навязывания чужого опыта, допуская его обоюдное заимствование как развитыми, так и развивающимися странами. В новой модели все субъекты хозяйства — от государства до каждого индивида — начинают играть по принципиально иным правилам. Следуя этим правилам, они выступают творческими партнерами и конкурентами как в национальном рынке, так и в мировом. Тем самым они получают равные шансы на успех.

Литература

Аузан А., Келимбетов К. (2012). Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. №5. С. 38–39. [Auzan A., Kelimbetov K. (2012). Socio-Cultural Formula of Economic Modernization // Voprosy Ekonomiki No 5. P. 38–39.]

Валлерстайн Иммануэль (2003). После либерализма. М. [Wallerstein Immanuel (2003). After Liberalism. Moscow.]

Вишневецкий А. (2002). Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь? // Мир России. Т.11. №3. [Vishnevskiy A. (2002). Historical Evolution of Russia: Catch-up or National Way of Development? // Mir Rossii. Vol. 11. No3.]

Гайдар Е. (2003). Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России // М.: Институт экономики переходного периода. С. 28. [Gaidar Ye. (2003). Modern Economic Growth and Strategic Perspectives of Socio-Economic Development. Moscow: Institute of Economy in Transition. P. 28.]

Глазьев С. (2012). Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. №2. С. 29, 31–32. [Glaziev S. (2012). A Modern Long Waves Theory and Economic Development // Economic Science of Contemporary Russia. No 2. P. 29, 31–32.]

Достоевский Ф.М. (1981). Дневник писателя за 1876 год (май–октябрь) // ПСС, т.23. Наука, Ленинград. С.31. [Dostoyevsky F.M. (1981). The Writer's Diary, May–October 1876 // Complete Works, Vol. 23. Nauka, Leningrad. P. 23.]

Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2010). Экономическая интеграция как синергетический феномен. Раздел: Интеграция как проблема региональных мировых валют // Мир перемен. №4. [Evstigneeva L., Evstigneev R. (2010). Economic Integration as a Synergetic Phenomenon // Mir Peremen. No4.]

Евстигнеева Людмила, Евстигнеев Рубен (2011). Капитализм: что дальше? К новой экономической парадигме // Экономическая политика. 2011, №5 (октябрь). С. 56–67. [Evstigneeva Ludmila, Evstigneev Ruben (2011). Capitalism: What Next? On a New Economic Paradigm // Economic Policy. No 5, October. P. 56–76.]

Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. (2010, 2012). Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД. [Evstigneeva L., Evstigneev R. (2010, 2012). Economy as a Synergetic System. Moscow: LENAND.]

Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. (2011). Новые грани ментальности. Синергетический подход. М.: ЛЕНАНД. [Evstigneeva L., Evstigneev R. (2011). New Sides of Mentality. A Synergetic Approach. Moscow: LENAND.]

Мандельштам О.Э. (1991). Деятнадцатый век // Собрание сочинений. Том второй. «ТЕРРА» – «TERRA», М. [Mandelshtam (1991). The Nineteenth Century // Works. Vol. 2. «TERRA», Moscow.]

Мау В. (2003). Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Экономика переходного периода. Сборник избранных работ ИЭПП. 1999–2002. Издательство «Дело», М. [Mau V. (2003). Post-Communist Russia in Post-Industrial World: Problems of Catch-up Development // Economy in Transition. Selected Works of the IET. 1999–2002. Delo, Moscow.]

Райнерт Эрик С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУВШЭ. [Reinert S. Erik. 2011. How Rich Countries Got Rich ... And Why Poor Countries Stay Poor. Moscow.: SU-HSE.]

Розмаинский И. (2009). Вклад Х.Ф. Мински в экономическую теорию и основные причины кризисов в позднеиндустриальной денежной экономике // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). Т. 7, №1. С. 38. [Rozmainskiy I. (2009). H.P.Minsky's Contribution to Economic Theory, and the Main Causes of Crises Affected the Late Industrial Monetary Economy // TERRA ECONOMICUS (Economic Bulletin of the Rostov State University). Vol. 7, No1. P. 38.]

Скворцова Е. (2012). Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. №7. С. 52–64. [Skvortsova E. (2012). Japan: Crisis of Its Cultural Identity Encountered the Western Civilization // Voprosy Filosofii. No7. P. 52–64.]

Солоу Р. (1996). Перспективы теории роста // Мировая экономика и международные отношения. №8. С. 66–77. [Solow R. (1996). The Outlook on the Growth Theories // Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. No8. P. 66–77.]

Федоров Н. (2011). Выступление на открытии конференции «Региональное развитие – основа устойчивости и процветания страны». Псков. 12.07.2011 г. // <http://informpskov.ru/politics>. [Fyodorov N. (2011). Address to the Conference «Regions Development as a Basis of Stability and Prosperity of the Country» // <http://informpskov.ru/politics>].

Хазин М. (2009). Тупик «догоняющего» развития // http://zlev.ru/61_41.htm. [Khazin M. (2009). The Deadlock of “Catch-Up” Development // http://zlev.ru/61_41.htm.]

Хиршман Альберт (2012). Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М. [Hirschmann Albert (2012). Passions and Interests: Political Arguments in Favor of Capitalism before its Triumph. Moscow.]

Хэ Чуаньци (ред.). Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). (2011). М.: Весь мир. С. 233. [He Chuanqi (ed.). (2011). Survey of Modernization in the World and in China (2001–2010). Moscow: Vesj Mir. P. 233.]

Шановалов Алексей (2012). Конкурентные преимущества регионов РФ втиснули в кластеры // Коммерсантъ. 21.09.2012. [Sharovalov A. (2012). Competitive Preferences of Russian Regions are Attached to Clusters // Kommersant. 21.09.12.]

Янин Петр (2011). Иллюзия профессионализма, или Откуда берется кризис // CITIZEN K RUSSIA, № 9 (22), 05.12.2011, С. 73. [Yanin P. (2011). An Illusion of Professionalism, or Where the Crisis Comes from // CITIZEN K RUSSIA. No 9 (22), 05.12.2011. P. 73.]

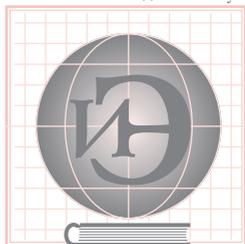
Burkett Paul & Hart-Landsberg Martin. (2003). A Critique of «Catch-Up» Theories of Development // Journal of Contemporary Asia. Vol. 33, No2. P. 150.

Mathews John A. (2006). Catch-up Strategies and the Latecomer Effect in Industrial Development // New Political Economy. Vol. 11. No3, September 2006. P. 313, 322.

Nelson Richard R. (2005). Economic Development as a Catch-up Process: What is Different about the Current Environment // http://www.ase.tufts.edu/gdae/about_us/leontief/Nelson_remarks.pdf

Rindermann Heiner, Sailer Michael, and Thompson James. (2009). The Impact of Smart Fractions, Cognitive Ability of Politicians and Average Competence of Peoples on Social Development // Talent Development & Excellence. Vol. 1. No 1, 2009. P. 3–25.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.П.Евстигнеева, Р.Н.Евстигнеев

Догоняющее развитие: современная трактовка

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

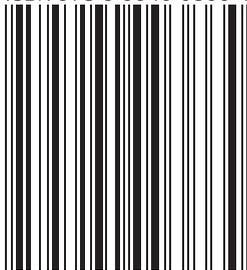
Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 01.11.2012 г.

Заказ № 66. Тираж 300. Объем 2,2 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0366-4

9 | 7 8 5 9 9 4 | 0 0 3 6 6 4 |